

Несложно предположить, что подобной, весьма немалой по тем временам суммой далеко не каждый кандидат в судьи мог располагать. Именно поэтому большинство мировых судей являлись достаточно обеспеченными жителями городов и уездов, что не могло не служить достаточным социальным барьером между фигурантами дела и судьей.

Бесспорным, признаваемым всеми приобретением реформ было появление в стране целой плеяды блестящих судебных ораторов-краснобаев со стороны защиты и обвинения, активно применявших свое мастерство в ряде случаев не только во имя справедливости, но и для личного прославления. Как признавал сам А.Ф. Кони, эти выдающиеся судебные поединки порой приводили к неоднозначным, а с высот прошедшего времени и опыта, порой негативным результатам. Причем в ряде случаев их мастерство приносило стране сомнительную пользу. Это отчетливо проявилось в процессе В. Засулич. 11 апреля 1878 г. буржуазные присяжные, судившие В. Засулич за покушение на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, вынесли ей в Петербургском окружном суде под председательством А.Ф. Кони оправдательный вердикт. В состав жюри присяжных входили средней руки чиновничество и интеллигенция. Несомненно, что именно речь присяжного поверенного П. Александрова повлияла на фактически проявившуюся в вердикте оппозиционность присяжных государственному режиму. «Крики несдержанной радости, истерические рыдания, отчаянные аплодисменты, топот ног, возгласы: „Браво! Ура! Молодцы! Вера! Верочка!“ – все слилось в один треск, и стон, и вопль», – вспоминал об атмосфере в зале суда после оглашения вердикта А.Ф. Кони [5, с. 172].

Данный вердикт как продукт российского суда присяжных имел и другой неожиданный резонанс. Русский и советский военный теоретик А.А. Свечин в книге «Стратегия» в разделе «Вера Засулич и Тройственный союз» приводит такой любопытный факт, прямо относящийся к вышесказанному. Настроения русского общества, проявившиеся в вердикте, показали, что государство царской России слабо и в борьбе с революционерами не имеет поддержки даже среди буржуазии. Это учел канцлер Германии О. Бисмарк. Оправдание В. Засулич обнажило внутреннюю слабость России, что вынудило О. Бисмарка отказаться от поддержки и союза с Россией и заставило его, хотя и невысоко ценившего прочность австро-венгерского государства, все же предпочесть ему подгнивший русский строй и заключить союз с Австро-Венгрией [6, с. 51].

Суждения современников о важных и масштабных исторических и государственных событиях и явлениях несомненно важны для потомков, исследователей будущего, ибо сделаны по горячим следам и с учетом реалий. Однако при всей своей добросовестности эти суждения не

свободны от субъективизма в силу личного отношения, личной заинтересованности или зависимости от требований времени. Отношение к ним, на наш взгляд, должно строиться с дозированной критичностью и взвешенностью.

1. Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905.
2. Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 1. Из записок судебного деятеля. М., 1966.
3. Принцц Н.Г. Случайности, влияющие на судебное преобразование 1864 года. СПб., 1864.
4. Победоносцев К.П. Московский сборник. СПб., 2009.
5. Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 2. Воспоминания о деле Веры Засулич. М., 1966.
6. Свечин А.А. Стратегия. 2-е изд. М., 1927.

УДК 34(470)(09)

А.В. Вениосов

МИРОВЫЕ СУДЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ РЕФОРМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Отмена крепостного права в 1861 г. и учреждение земских органов самоуправления в 1864 г. создали необходимые предпосылки для реализации наработок по реформированию судебной системы в России – насущной проблемы.

В трудах ученых и практиков того периода была вскрыта правовая природа дореформенных принципов судоустройства, ими отмечалось, что множественность судебных инстанций (сословные суды, магистраты, ратуши, надворные суды и т. п.) с неопределенной подсудностью, с различным порядком судопроизводства затрудняла обращение в суд за защитой прав и законных интересов. Так, в дореформенном гражданском процессе действовали общий, 4 главных, 16 особенных порядков судопроизводства. Неопределенность процессуальных сроков, неограниченное число бумаг, подаваемых порой лишь с целью замедлить дело, неточность законов о судебных издержках порождали волокиту в судах и произвол со стороны судейских чиновников. Излишне строгие формальности в отношении внешней формы исковых прошений требовалось соблюдать при полном отсутствии правил об их внутреннем содержании. Волокита и бюрократизм принимали ужасающий характер. По свидетельству В.О. Ключевского, в 1842 г. министр юстиции представил императору отчет, в котором значилось, что в судебном производстве

насчитывалось 33 млн незаконченных дел [1, с. 271]. Все вышеуказанные недостатки относились к городским судам, которым были подсудны свободные слои населения России. Многомиллионная масса крестьян после введения крепостного права в 1649 г. вообще не имела права обращения в суд. Обращение в суд в дореформенное время было весьма дорогим удовольствием. Недостатки судебной системы и судопроизводства вызывали недовольство даже привилегированных сословий. Взяточничество было явлением обыденным, поскольку большинство судебных чиновников рассматривали свою должность как средство наживы и бесцеремонным образом брали взятки со всех обращающихся в суд. Низкая грамотность судей вообще и юридическая в частности обуславливали фактическое сосредоточение всего дела правосудия в руках канцелярских чиновников и секретарей, поэтому говорить о какой-либо законности, гуманности и других принципах правосудия в России в дореформенный период не приходилось.

В период подготовки к судебной реформе было обращено внимание на низкую раскрываемость преступлений, а также на медлительность рассмотрения в судах дел о маловажных преступлениях, по которым из-за необходимости соблюдать все обряды и формы судопроизводства, единого для всех уголовных дел, содержались под стражей длительное время большое число лиц, приговоренных к «легкому исправительному наказанию» [2, с. 612]. Другими словами, на малозначительные преступления в силу сложившейся судебной практики судебные органы не обращали должного внимания. А именно эти проступки составляли подавляющее большинство деяний, подпадавших под действие уголовного и гражданского законодательства. Этим обстоятельством и было обусловлено создание местного суда, рассматривавшего малозначительные дела в упрощенном порядке.

20 ноября 1864 г. император Александр II подписал четыре документа, вводившие в России невиданные до этого принципы судостроительства и судопроизводства. Во всех этих документах (судебных уставах) значительное место отводилось мировым судам, которые брали на себя основную массу судебных дел, следовательно затрагивали широкие массы населения Российской империи.

Основные принципы создания местных судов содержались в документе, носившем название «Учреждение судебных установлений». По этому документу создавались мировые округа, которые охватывали, как правило, уезд со всеми входившими в него городами. Исключение делалось только для Москвы и Санкт-Петербурга, которые образовывали по несколько мировых округов каждый. Мировые округа дели-

лись на участки, в которые избирались мировые судьи. Уже эти нововведения являлись весьма прогрессивными для России. Впервые в российской истории суд приблизился к населению. Создание мировых округов и участков сделало суд более доступным для широких слоев населения. Теперь каждый житель села и небольшого городка имел возможность обратиться в суд за защитой своих прав. Второе весьма прогрессивное положение заключалось в выборности судей, что являлось для России совершенно новым институтом. Первый раздел Учреждения судебных установлений был посвящен порядку избрания и утверждения мировых судей [3, с. 34–39]. Здесь определялись требования, предъявляемые к кандидатам на должность мирового судьи: 25 лет от роду, определенный имущественный ценз (вводился с целью поднять престиж этой должности), а также определенный образовательный ценз. Ст. 19 Учреждения судебных установлений устанавливала требование к уровню образования лиц, претендующих на должность мирового судьи, – необходимо было получить образование в высшем или среднем учебном заведении. Более того, эта же статья предоставляла возможность занять искомую должность лицам, «выдержавшим соответствующее сему испытание или же прослужившим не менее трех лет в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел» [3, с. 34]. Другими словами, о юридическом образовании речь совершенно не велась. Это связано, скорее всего, с тем, что дипломированных юристов в России было весьма незначительное количество, так как необходимость в них до судебной реформы особо не ощущалось. Ведя речь о должности мирового судьи, следует отметить еще одну особенность, которая заключалась в ее особом статусе. Учреждение судебных установлений в ст. 71 содержало отсылочные нормы к ст. 237–242, которые по должностным окладам и классным чинам приравнивали мировых судей к окружным судьям. Правда, в отношении должностного оклада это относилось только к мировым судьям столичных городов [3, с. 39, 79–80].

Избирались мировые судьи на три года на уездных земских собраниях. Избранный судья выбирал с согласия съезда мировых судей место постоянного пребывания на своем участке, которое он не имел права покидать. Это делалось для того, чтобы мировой судья постоянно находился в пределах досягаемости для лиц, проживающих на территории мирового округа. Более того, мировой судья должен был принимать жалобы и просьбы в любом месте, в котором он находился, и разбирать их там, где они возникли. Последнее обстоятельство являлось весьма демократическим и способствовало искоренению бюро-

кратизма в деятельности мировых судей. В прибалтийских губерниях, на Северном Кавказе и в Закавказье мировые судьи не избирались, а назначались министром юстиции, в Польше в сельской местности мировых судов не было вообще, в городах мировые судьи назначались правительством. Помимо участковых мировых судей ст. 45 Учреждения судебных установлений вводила должность почетного мирового судьи. Им становился избранный участковый мировой судья, отказавшийся от причитающегося ему жалования. Ст. 46–50 данного документа определяли место и роль почетного мирового судьи в системе местных судов. Еще во время подготовки судебной реформы на заседаниях Государственного совета указывалось, что почетные мировые судьи вводились «для облегчения исполнения многочисленных обязанностей мирового (участкового) судьи и в особенности для того, чтобы лица, заслуживающие полного доверия и уважения, не лишались возможности, не оставляя своих домашних занятий и обязанностей, оказывать своим влиянием содействие к охранению порядка и спокойствия» [3, с. 87]. Здесь необходимо подчеркнуть один очень важный момент. Избранный на должность мирового участкового судьи согласно ст. 42 Учреждения судебных установлений не имел права занимать никаких государственных и общественных должностей (за исключением почетных). По мысли законодателей, он должен был всецело отдаваться судебной работе. Введение же почетных мировых судей позволяло состоятельным людям совмещать несколько видов деятельности. Почетный мировой судья имел те же права, что и участковый мировой судья. Исключение составлял лишь тот факт, что он приступал к рассмотрению дел только в том случае, если к нему обратились обе стороны. Последнее обстоятельство должно было подчеркивать авторитет конкретного почетного мирового судьи. Однако, если учитывать непростой характер работы участкового мирового судьи, которому приходилось рассматривать в день большое количество дел, введение должности почетного мирового судьи дало возможность состоятельным людям получить стаж работы в судебном ведомстве без особых забот. Дело в том, что для занятия должности в вышестоящих судах требовался судебный стаж не менее трех лет. Кроме того, власть почетного мирового судьи распространялась на весь судебный округ, и он не был привязан к постоянному месту пребывания.

Власть мирового судьи распространялась только на его участок. При совокупности преступных действий, обнаруженных в разных мировых участках, дело было подсудно тому мировому судье, на участке которого совершено наиболее тяжкое преступление. Все споры по поводу подсудности между мировыми судьями решались съездом мировых судей окру-

га. Компетенция мировых судей определялась двумя судебными уставами – уголовного и гражданского судопроизводства. Так, ст. 33 Устава уголовного судопроизводства определяла следующие наказания, которые мог назначить мировой судья: выговор, замечание и внушение, денежные взыскания не свыше 300 р., арест не свыше трех месяцев, заключение в тюрьме не свыше одного года. Ст. 34 этого же документа предусматривала изъятие некоторых категорий дел из подсудности мировых судей. Это такие случаи, как дела, сопряженные с высылкой виновного с места жительства, когда сумма иска превышала 500 р., а также когда сельский обыватель подлежал ответственности перед собственным судом. Интерес представляет и ст. 35 вышеуказанного документа. В ней подчеркивалось, что все дела, возбуждаемые по жалобе потерпевших, подлежали «склонению сторон к миру, хотя бы и влекли за собой наказания более строгие» [3, с. 123]. Таким образом, мировые судьи, главным назначением которых являлось примирение сторон, могли рассматривать даже дела, за которые предусматривалась более строгая ответственность, чем определенная в ст. 33.

Мировой судья возбуждал дела по следующим основаниям: жалобам частных лиц, сообщениям полицейских и других административных властей, а также непосредственному усмотрению им преступных действий, «подлежащих преследованию не независимо от жалоб частных лиц». Из приведенного выше видно, что свое назначение в качестве «примирителя» сторон в судебном процессе мировой судья мог реализовать только при возбуждении дела по жалобе одной из сторон. По следующим двум основаниям он должен был проводить разбирательство и выносить приговор.

Учитывая то обстоятельство, что большинство мировых судей не имели юридического образования, разработчики судебной реформы инициировали принятие основного документа, которым руководствовался местный суд, – Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Данный документ, по словам проработавшего в мировых судах в их начальный период В.П. Безобразова, «вносил право в такую сферу отношений нашего общества, где не существовало даже признака права, даже и понятия о возможности права» [4, с. 6]. Его условно можно разбить на две части. Первую часть составляла первая глава, в которой содержались вопросы, относящиеся к общей части уголовного права, и вторая часть – 12 глав, содержащих вопросы особенной части.

Вопросы общей части помогали мировым судьям соблюдать принципы судостройства и соблюдать законность в отправлении правосудия. Здесь можно отметить несколько весьма примечательных для российского уголовного права моментов. Весьма своеобразно решался

вопрос о субъекте преступления. Согласно ст. 10 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, лица, не достигшие 10-летнего возраста, считались малолетними. Эта категория лиц, а также совершившие преступление в «безумстве, сумасшествии, припадках болезни, приводящей в умоисступлению, или в совершенном беспамятстве» не подлежали уголовной ответственности. Кроме того, не привлекались к ответственности совершившие действия по принуждению от непреодолимой силы и по необходимой обороне [3, с. 396]. Несовершеннолетним (от 10 до 17 лет) наказания назначались в половинчатом размере. Ст. 13 данного документа обращала внимание на обстоятельства, при которых мировой судья мог уменьшать наказания для виновного: слабоумие и крайнее невежество, прежнее безукоризненное поведение, признание и чистосердечное раскаяние, крайность и неимение никаких средств к пропитанию и работе и т. д. Эта весьма важная статья, она давала возможность мировому судье проявить некоторое сострадание к бедным и забытым слоям крестьянства. Ведь не секрет, что во время крепостного права крестьяне понятия не имели о правосудии. Их представление о правосудии заключалось в злом или добром помещике. А вот ст. 14 была посвящена обстоятельствам, усиливающим вину. Здесь мировой судья мог принять во внимание следующие моменты: обдуманность в действиях виновного, повторность, известная степень его образованности и более или менее высокое положение в обществе. Последнее обстоятельство свидетельствовало о наличии принципа справедливости в определении наказания. Ст. 21 устава определяла сроки исковой давности преступлений. Так, виновные освобождались от наказания за основные преступления, рассматриваемые мировыми судьями, если прошло два года с момента их совершения. Некоторые преступления вообще имели срок исковой давности шесть месяцев.

Остальные 12 глав представляли своеобразный уголовный кодекс для мировой юстиции. Здесь определялись наказания за все преступления, подсудные мировым судьям.

Помимо участковых и почетных мировых судей в мировом округе действовали также съезды мировых судей. Эти съезды образовывали все участковые и почетные мировые судьи округа, которые на первом своем заседании выбирали председателя. В работе съезда мог принимать участие товарищ (заместитель) прокурора окружного суда. Съезд мировых судей являлся апелляционной инстанцией по делам, рассмотренным мировыми судьями. Кворум съезда мировых судей составляли трое судей, включая председателя. Он мог заново пересмотреть любое дело, и его приговор являлся окончательным. Кроме того, он мог быть и судом первой инстанции и самостоятельно рассматривать дела в случае необходимости.

Таким образом, создание мировой юстиции явилось важным шагом в осуществлении правосудия, вручив его в руки выборных лиц и снабдив их необходимыми правовыми основами. Все это, безусловно, содействовало укреплению законности и поднимало авторитет судебной власти в России.

Важность истории определяется возможностью учитывать ценный опыт предшествующих поколений на службе сегодняшнего дня. В Республике Беларусь еще в 1992 г. была принята Концепция судебно-правовой реформы. Она предусматривает образование мирового суда, в компетенцию которого входило бы рассмотрение в единоличном порядке некоторых категорий гражданских, уголовных и административных дел, а мировыми судьями могли бы быть избраны граждане, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической специальности не менее двух лет или прошедшие стажировку в суде до одного года. До настоящего времени не делается никаких попыток создания такого суда. Это связано с тем, что сейчас время диктует новые требования. Однако полностью отрицать опыт мировой юстиции, видимо, не следует. Здесь нужно отчасти согласиться с профессором В.Н. Бибило, которая отмечает, что функционирование мировых судов в том виде, который предлагает Концепция судебно-правовой реформы, противоречило бы самой природе этих судов. Если рассмотрение гражданских дел на небольшую сумму иска и уголовных дел о малозначительных преступлениях, возбуждаемых по жалобе лица и без применения лишения свободы, еще можно оправдать, то это не относится к административным делам, где налицо публичное начало [5]. Мы в целом соглашаемся с В.Н. Бибило, но предлагаем расширить перечень преступлений, входящих в дела частного обвинения, и передать их на рассмотрение мировых судов. Можно отдать на рассмотрение мировых судов и административные дела, с тем лишь исключением, что примирение по ним невозможно. Здесь просто следует устранить понятие о том, что главное назначение мирового суда состоит в примирении сторон.

1. Ключевский В.О. Сочинения. Т. 5. Курс русской истории. М., 1958..
2. Филиппов М.А. Судебная реформа в России. Т. 1. СПб., 1871.
3. Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. Судебная реформа. М., 1991.
4. Безобразов В.П. Мысли по поводу мировой судебной власти. М., 1886.
5. Бибило В.Н. Перспективы развития судебной власти по Концепции судебно-правовой реформы в Республике Беларусь // Право и демократия : сб. науч. тр. / отв. ред. В.Н. Бибило. Минск, 2002. Вып. 13.